

Серия
«ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Редакционный совет:

С. И. Богданов (Санкт-Петербург), Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург),
О. Л. Габелко (Москва), В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург),
М. А. Дандамаев (Санкт-Петербург), В. А. Дмитриев (Псков),
Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург), О. Ю. Климов (Санкт-Петербург),
А. И. Колесников (Санкт-Петербург), С. Ю. Монахов (Саратов),
В. П. Никоноров (Санкт-Петербург), И. В. Пьянков (Великий Новгород),
Э. В. Рунг (Казань), Р. В. Светлов (Санкт-Петербург),
А. А. Синицын (Саратов / Санкт-Петербург),
М. М. Холод (Санкт-Петербург)

**THE PUNIC WARS:
A HISTORY OF THE GREAT
CONFRONTATION**

MILITARY, DIPLOMATIC AND IDEOLOGICAL
ASPECTS OF THE STRUGGLE BETWEEN
ROME AND CARTHAGE

Edited by
Oleg L. Gabelko and Anton V. Korolenkov

Humanitarian Academy
Juventa
St. Petersburg
2017

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

**ВОЕННЫЕ, ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ,
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ
МЕЖДУ РИМОМ И КАРФАГЕНОМ**

Научные редакторы
О. Л. Габелко и А. В. Короленков

Гуманитарная Академия
Ювента
Санкт-Петербург
2017

П88 Пунические войны: история великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном: коллективная монография / науч. ред. О. Л. Габелко, А. В. Короленков. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Ювента, 2017. — 440 с., ил. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-93762-138-2

В коллективной монографии 25 исследователей из России, Великобритании, Финляндии, Дании и Украины рассматривают различные аспекты римско-карфагенских отношений на протяжении VI—II вв. до н. э., кульминацией которых стали Пунические войны (264—241, 218—201, 149—146 гг. до н. э.). Подробному анализу подвергаются ход военных действий на суше и на море и развитие военного дела обеих сторон; предыстория, дипломатический фон и последствия Пунических войн; воздействие противостояния с Карфагеном на религию, законодательство и функционирование государственного аппарата Рима; освещение деятельности наиболее выдающихся представителей римской военно-политической элиты III—II вв. до н. э. в трудах греческих и римских историков. Определенное место занимают также рассмотрение общеисторического и историографического контекстов Пунических войн и рецепция их в современной культуре.

Книга предназначена историкам-антиковедам, преподавателям, студентам и аспирантам, а также всем интересующимся историей Древнего мира.

ББК 63.3(0)32

The Punic Wars: A History of the Great Confrontation. Military, Diplomatic and Ideological Aspects of the Struggle between Rome and Carthage: Collaborative monograph / ed. by Oleg L. Gabelko and Anton V. Korolenkov. — St. Petersburg: "Humanitarian Academy" Publishing Centre; Juventa, 2017. — 440 p., ill. — (Historical Library).

In this collaborative monograph twenty five researchers from Russia, Great Britain, Finland, Denmark and Ukraine examine various aspects of the Roman-Carthaginian relations during the 6th — 2nd centuries B.C., which culminated in the three Punic Wars (264—241, 218—201, 149—146). Subjects of a detailed study are a course of military operations on both land and sea, the development of then warfare in Rome and Carthage, the diplomatic background and aftermath of the Punic Wars, an impact of this confrontation on religion, the Roman legislation and functioning of the state machinery, and the reporting of activities of the most prominent members of the Roman elite of the 3rd — 2nd centuries B.C. in the Greek and Roman authors' works. Besides, a definite place is set aside for the consideration of general historical and historiographic contexts of the Punic Wars and their reception in modern culture.

The book is intended for historians of Classical Antiquity, lecturers, students and post-graduate students, as well as for all those who are interested in the Ancient World history.

© Ювента, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© С. В. Лебединский, оформление, 2017

ISBN 978-5-93762-138-2

*Посвящается светлой памяти недавно
ушедших историков Пунических войн —
Питера Коннолли (1935–2012)
и Казимира Адамовича Ревяко (1937–2013)*

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

<i>О. Л. Габелко.</i> Пунические войны и вокруг них	11
<i>А. В. Махлаюк.</i> Пунические войны в современном историографическом контексте	19

Раздел I

BELLUM TERRA MARIQUE

<i>Д. П. Алексинский.</i> «Пунийская фаланга» и «пунийский штандарт» (О двух историографических мифах)	39
<i>А. И. Козак.</i> Военно-политические преобразования Ксантиппа Лакедемонянина в Карфагене (256—255 гг. до н. э.)	69
<i>А. К. Нефёдкин.</i> Верблюды в военном деле народов Северной Африки в доисламскую эпоху	86
<i>К. Стейнби.</i> Вторжение в Африку как средство давления римлян на карфагенское правительство	101
<i>С. Ю. Горьков.</i> Операции военно-морской агентуры в ходе Пунических войн	119

Раздел II

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ: ПРЕДЫСТОРИЯ, КОНТЕКСТ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН

<i>Ю. Б. Циркин.</i> Первый римско-карфагенский договор	125
<i>А. В. Мосолкин.</i> Внешняя политика Рима и поиск «троянского наследия»	143
<i>А. Л. Зелинский.</i> О характере и причинах египетского нейтралитета во время Первой Пунической войны	155
<i>Н. Ю. Сивкина.</i> Договор Филиппа V с Ганнибалом: несколько замечаний об обязательствах союзников	164
<i>А. А. Абакумов.</i> Несостоявшийся реванш: Ганнибал, Антиох III и Сирийская война	181

Раздел III ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО

<i>В. О. Никишин. Metus Punicus: «фактор страха» в противостоянии Рима и Карфагена</i>	199
<i>А. М. Сморгачев. Римская религия во времена Второй Пунической войны</i>	219
<i>В. А. Квашинин. Lex Oppia de sumptu</i> 215 г. до н. э.: право, религия и война в жизни римской общины	244
<i>Р. В. Лапырёнок. Римский ценз и Ганнибалова война: перепись населения в условиях чрезвычайной ситуации</i>	277
<i>А. В. Контев. Privati cum imperio</i> в годы Второй Пунической войны	292

Раздел IV ЛИЧНОСТЬ В ИСТОЧНИКАХ

<i>Е. Г. Тейтельбаум. Размышления Полибия о Регуле: к вопросу о восприятии историком некоторых сторон римского империализма</i>	330
<i>Е. В. Смыков. Serranus serens: несуществовавший полководец Пунической войны?</i>	343
<i>А. В. Короленков. Аппиан о противостоянии Фабия Максима и Ганнибала</i>	353
<i>А. Б. Никольский, А. В. Короленков. Гай Теренций Варрон — антигерой римской истории</i>	368
<i>В. А. Леус. Из ранней биографии Сципиона Африканского</i>	387
<i>В. Хофман. Сципион Африканский в Испании: несколько эпизодов глазами Ливия</i>	396

Раздел V ЭХО В ВЕКАХ

<i>Н. С. Колоколова. Пунические войны в кино: между эпосом и мелодрамой</i>	407
<i>В. А. Гончаров. Пунические войны и их герои в современной музыкальной культуре</i>	418
Список источников	428
Список сокращений	436
Информация об авторах	438

CONTENTS

IN PLACE OF A PREFACE

<i>Oleg L. Gabelko. The Punic Wars and around</i>	11
<i>Alexander V. Makhlaiuk. The Punic Wars in Modern Historiographical Context.</i>	19

Section I

BELLUM TERRA MARIQUE

<i>Dmitry P. Alexinsky. “Punic Phalanx” and “Punic Banner” (on the Two Historiographic Myths)</i>	39
<i>Andrey I. Kozak. Military and Political Reforms of Xantippus Lacedaemonian in Carthage (256–255 B.C.)</i>	69
<i>Alexander K. Nefedkin. Camels in Northern African Warfare in the Pre-Islamic Era</i>	86
<i>Christa Steinby. The Roman Invasion of Africa as Means of Putting Pressure on the Carthaginian Government</i>	101
<i>Sergey Yu. Gor’kov. The Operations of Naval Agency during the Punic Wars</i>	119

Section II

INTERSTATE RELATIONS AND DIPLOMACY: THE PREHISTORY, CONTEXT AND AFTERMATH OF THE PUNIC WARS

<i>Yulij B. Tsirkin. The First Roman-Carthaginian Treaty</i>	125
<i>Alexey V. Mosolkin. Roman Foreign Policy and Searching of «Trojan Legacy»</i>	143
<i>Andrey L. Zelinsky. The Nature and Reasons of the Egyptian Neutrality During the First Punic War</i>	155
<i>Natalya Yu. Sivkina. The Treaty between Philip V and Hannibal: Several Comments on the Obligations of Allies</i>	164
<i>Arkady A. Abakumov. Unsuccessful Revenge: Hannibal, Antiochus III and the Syrian War</i>	181

Section III

THE PUNIC WARS AND THE ROMAN SOCIETY

<i>Vladimir O. Nikishin. Metus Punicus: A «Factor of Fear» in the Conflict between Rome and Carthage</i>	199
<i>Andrey M. Smorchkov. Roman Religion in the Second Punic War</i>	219
<i>Vladimir A. Kvashnin. The Lex Oppia de Sumptu 215 B.C.: Right, Religion and War in Roman Community</i>	244
<i>Roman V. Lapyrionok. The Roman Census and Hannibal's War: The Census of the Population in an Extreme Situation</i>	277
<i>Alexander V. Koptev. Privati cum Imperio during the Second Punic War</i>	292

Section IV

THE PERSONALITY IN SOURCES

<i>Eugene G. Teitelbaum. Polybius' Reflections on Regulus: A Study of Some Aspects of Historian's Attitude to Roman Imperialism</i> . . .	330
<i>Evgeny V. Smykov. Serranus Serens: A Non-Existent General of Punic War?</i>	343
<i>Anton V. Korolenkov. Appian on the Military Confrontation between Hannibal and Fabius Maximus</i>	353
<i>Andrey B. Nikolsky, Anton V. Korolenkov. Gaius Terentius Varro — an Anti-Hero of Roman History</i>	368
<i>Vladimir A. Leus. From the Early Biography of Scipio Africanus</i>	387
<i>Wilhelm Hoffmann. Scipio Africanus in Spain: Livius' View on Some Episodes</i>	396

Section V

AN ECHO LIVING IN THE FOLLOWING CENTURIES

<i>Natalya S. Kolokolova. The Punic Wars in the Cinema: Between an Epic and Melodrama</i>	407
<i>Vladimir A. Goncharov. The Punic Wars and Their Heroes in Contemporary Music Culture</i>	418
List of Sources	428
List of Abbreviations	436
Information about the Authors	438

А. М. Сморгков

РИМСКАЯ РЕЛИГИЯ ВО ВРЕМЕНА ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

В годы крупных общественных бедствий религия в полной мере проявляет своё охранительно-консервативное значение, выступая в качестве фактора, сплачивающего народ и поднимающего его моральный дух. Сказанное, несомненно, относится и к событиям Второй Пунической войны, ставшей для Рима настоящей Отечественной войной, когда сражаться пришлось за само существование, или, как говорили римляне, *pro aris et focis* («за алтари и очаги»). Общественные молебствия и обеты, старые обряды и новые ритуалы — всё это и многое другое позволяло вернуть веру в победу, преодолеть трудности и сплотить гражданский коллектив перед лицом грозного врага. Наиболее остро вопрос о сохранении воли к победе и морального духа граждан вставал после крупных поражений. Важнейшим средством решения этих проблем служила культовая практика, направленная на возобновление мира с разгневанными богами (*pax deorum*)¹, составлявшего краеугольный камень римского религиозного мировоззрения. Ведь для римлян частью представлений о себе являлась вера в своё особое благочестие, наиболее угодное богам в силу свободы от заблуждений неверия и суеверия².

Два крупнейших поражения в ходе Второй Пунической войны римляне потерпели в битвах при Тразименском озере (217 г. до н. э.) и при Каннах (216 г. до н. э.). Были и другие поражения, но именно эти, случившиеся в самой Италии, произвели на общество наиболее тяжкое

¹ Подробное исследование сложных взаимосвязей между военными поражениями и сохранением «мира с богами» см.: Rosenstein 1990, 54–91.

² Cic. *Har. resp.* 19; *ND.* II. 8; III. 5; *Sall. Cat.* 12. 3–4; *Liv.* XLIV. 1. 11; *Gell. NA.* II. 28. 2. См. также наблюдения греческих (Polyb. III. 112. 9; VI. 56. 6–8; Poseid. ap. Athen. VI. 107; Dionys. Hal. *AR.* II. 18–19; *Plut. Marc.* 4–5) и христианских авторов (*Tertul. Apol.* 25; *Ad nat.* II. 17; *Aug. CD.* IV. 8–9).

впечатление, поставив его перед суровым выбором — «победа или смерть»³. Религия оказалась первым помощником против тех горестей, которые обрушились на римских граждан. После битвы при Тразименском озере был избран диктатор Кв. Фабий Максим, впоследствии прозванный Кунктатором. Точно неизвестно, почему выбор пал именно на него. Об авторитете Фабия Максима на тот момент свидетельствует избрание его цензором в 230 г. до н. э. и дважды консулом (233 и 228 г. до н. э.). Что касается военных заслуг, то в своё первое консульство он получил триумф за победу над лигурами (*Fast. tr.*; CIL. I. Ed. 2, 193 [elogia 12 et 13]; Plut. *Fab.* 2; *Comp. Per. et Fab.* 2; *De vir. ill.* XLIII. 1), но это было 16 лет назад, т. е. довольно давно, да и противник, поднявший мятеж, не относился к числу самых опасных. Плутарх предполагает даже, что это была единственная победа Фабия, одержанная в открытом бою (*Comp. Per. et Fab.* 2). Так что, скорее всего, здесь повлияли иные факторы, а именно немалую роль должен был сыграть его авгурский сан и длительное пребывание в авгурской коллегии⁴.

Авгурский авторитет Фабия оказался тем более кстати, что назначение его в силу сложившейся военно-политической ситуации было совершенно необычным способом — это сделал не консул (как требовалось), а народное собрание⁵. Поскольку авгурское право регулировало процедуру назначения диктатора⁶, то необычное избрание диктатора, скорее, могло быть признано законным в случае, если избранный сам являлся весьма авторитетным авгуром. Причём речь должна идти не столько о согласовании с нормами авгурского права, сколько о признании законности этого акта в сознании граждан, что было гораздо важнее. Ту же цель преследовало обращение к народному собранию, ибо санкция со стороны гражданского коллектива уменьшала негативные (в религиозном и политическом отношении) последствия вынужденного нарушения сакрально-правовой традиции. А о наличии сомнений в правомочности этого акта, сохранявшихся даже по прошествии двух веков, свидетель-

³ Эту мысль, анализируя отказ сената выкупить римских воинов, попавших в плен после битвы при Каннах, высказали Полибий (VI. 58. 11), Цицерон (*Off.* III. 114) и Аппиан (*Hann.* 28).

⁴ К 217 г. до н. э. он уже около 48 лет состоял в авгурской коллегии: Liv. XXX. 26. 7; Val. Max. VIII. 13. 3; Plin. *NH.* VII. 156. См. также: Szemler 1972, 68, n. 2; 105. При всех возможных сомнениях, проскальзывавших уже у Ливия (ср.: Münzer 1909a, 1815–1816), ясно, что его длительный авгурат запомнился.

⁵ Liv. XXII. 8. 5–6; Zonar. VIII. 25. Ср.: Polyb. III. 87. 6; 9 (Ῥωμαῖοι δὲ δικτάτορα μὲν κατέστησαν Κόιντον). Народ (*populus*) принял участие и в назначении диктатора в 210 г. до н. э. (Liv. XXVII. 5. 14–15; Plut. *Marc.* 24–25), но причины обращения к народному собранию в этом случае неясны.

⁶ Анализ см.: Сморгачев 2012, 169–171 (либо: Сморгачев 2009, 65–67).

ствуует подробный комментарий Ливия, по мнению которого Фабий всё же не был диктатором, а действовал *pro dictatore*, т. е. с диктаторской властью⁷.

Первое заседание сената Фабий начал, как было принято (Varro ap. Gell. XIV. 7. 9; Liv. VI. 1. 9; XXXVII. 1. 1), с дел божественных. Понятно, что невозможно говорить о достоверности передачи Ливием содержания речи диктатора перед сенатом, но примечателен избранный нашим автором аспект. В его изложении Фабий в какой-то мере реабилитировал консула Фламиния, виновника страшного поражения: «Он указал сенаторам, что Г. Фламиний повинен больше в пренебрежении обрядами и ауспигиями, чем в безрассудстве и неопытности»⁸. Такой взгляд характерен для сложившегося в традиции образа Г. Фламиния как человека, не отличавшегося пиететом ни по отношению к сенату, ни по отношению к религиозным нормам (Liv. XXI. 63. 2–14; XXII. 1. 5–7; 3. 4–14; 9. 7; 39. 6; Plut. Marc. 4. 2–6; Fab. 2–3; Zonar. VIII. 20; Ovid. Fast. VI. 765–766; Cic. ND. II. 8; Div. I. 77; II. 21; 67; 71; Sil. Ital. V. 77–129; Flor. I. 22. 14; Val. Max. I. 6. 6; Oros. IV. 13. 14; см.: Münzer 1909b, 2500–2501; Develin 1979, 268–277), но интересно, как центр тяжести проблемы переносится из гражданской сферы в религиозную. Затем это было повторено с Г. Теренцием Варроном, виновником разгрома при Каннах (см. ниже). Тем самым в значительной степени снимается вина с руководителей⁹, даже с тех, кто потерпел сокрушительное поражение, растёт доверие к ним и к их действиям. Итак, вина Фламиния была «ограничена» нарушением мира с богами, а для решения этой проблемы существовали веками «апробированные» методы. Другими словами, несмотря на масштабность бедствия, ничего не изменилось: ведь и раньше, случалось, боги гневались за те или иные нарушения ритуалов, но неизменное благочестие римлян восстанавливало нарушенные отношения с богами, и те возвращали милость и покровительство своему народу.

Фабий настоял (*pervicit*) на обращении к Сивиллиным оракулам, что соответствовало важности момента (Liv. XXII. 9. 8; Plut. Fab. 4. 5). Сенат

⁷ Liv. XXII. 31. 8–11. Ср.: Lyd. Mag. I. 38 (ἀντιδικτάτωρ). Но никаких сомнений не высказывал Полибий (III. 87. 6), чьё свидетельство имеет особый вес, и в фастах Кв. Фабий отмечен как *dictator*, хотя и с уникальной титулатурой *interregni causa* (CIL. I. Ed. 2, 23), которая ещё более усложняет вопрос об источниках его власти. Анализ см.: Gusso 1990, 291–333.

⁸ Liv. XXII. 9. 7. Здесь и далее пер. А. М. Сморгкова. Ср.: Plut. Fab. 4. 4. У Плутарха Фабий держит речь перед народом, что также вполне соответствует ситуации.

⁹ См. обобщающий вывод Н. Розенштейна, правда, касающийся лишь тех полководцев, которые совершили неумышленные ошибки в ритуале: Rosenstein 1990, 72–73 (Фламиния исследователь относит к другой группе: Rosenstein 1990, 77–79).

отдал соответствующий приказ децемвирам священнодействий, в чьём ведении находились эти книги, а уже по их указаниям был предпринят ряд мер — как традиционных римских, так и заимствованных. В первую очередь оракулы потребовали заново и с большим великолепием исполнить обеты Марсу по поводу этой войны, ранее осуществлённые недолжным образом. Такое повторение сакральных актов (*instauratio sacrorum*) являлось характерной чертой римской религиозной практики¹⁰. К старинным ритуалам относились также «священная весна», обет великих игр в честь Юпитера и суппликация (умилостивительный ритуал с участием всего гражданского коллектива). Заимствованным греческим обрядом был лектистерний, когда с целью умилостивить богов стелились ложи для их статуй и устраивались угощения. Впрочем, лектистерний давно уже стал частью римского ритуала¹¹, так что новизна его была относительной, и в 217 г. до н. э. он вполне мог рассматриваться как часть старинных обрядов, к которым обратились в тяжёлую минуту. Отдельно стоит упомянуть обет храмов Уму (*Mens*) и Венере Эрицинской (*Venus Erycina*) (Liv. XXII. 9. 10; Ovid. *Fast.* VI. 241–246), почитавшейся на Сицилии. Культ Ума, точнее даже Здравого Ума (*Mens Bona*), обращает на себя внимание, ввиду тяжёлого поражения римлян, конкретной интерпретацией причин краха. Но и введение культа сицилийской Венеры также не лишено патриотических ассоциаций, ибо Венера считалась прародительницей римлян, являясь матерью Энея, который и основал её культ на горе Эрикс в Сицилии¹². Здесь объединились характерные для римского культа храмовые обеты¹³, римское почитание абстрактных божеств («Ум») и греческие божества (однозначно, Венера Эрицинская и, возможно, Ум; см.: Wissowa 1912, 314; 327). Дополнительно были обетованы многим богам белые быки (Юпитеру — триста) и другие жертвы (Liv. XXII. 10. 7–10). Как видим, обеты занимали центральное место в искупительных мероприятиях. Это не удивительно, ибо уже само принятие обязательства выступало как средство примирения с богами, причём немедленное, в отличие от его исполнения, которое предполагалось в будущем и порой могло весьма затягиваться. Рас-

¹⁰ Cohee 1994, 451–468. См. обобщающие наблюдения античных авторов: Cic. *Har. resp.* 23; Liv. V. 52. 9; Plut. *Cor.* 25.1; Dio Cass. Fr. 51; LX. 6. 4.

¹¹ Первый известный лектистерний состоялся ещё в 399 г. до н. э. (Liv. V. 13. 5–8; Dionys. Hal. *AR.* XII. 9. 1–3), да и в предыдущем 218 г. до н. э. этот обряд дважды имел место (Liv. XXI. 62. 6–9; XXII. 1. 19).

¹² Rohde 1932, 18; Müller-Seidel 1953, 270. Anm. 127. Сомнения в столь ранней интерпретации Венеры как прародительницы римлян см.: Koch 1955, 853–854.

¹³ Храмовый обет можно считать одним из отличий римской религии от греческой: Rohde 1932, 10–11.

сматриваемый как клятвенное обязательство (*sponsio*) перед божеством (Cic. *Leg.* II. 41)¹⁴ обет был эффективным средством укрепления морального духа, заключая в себе и непосредственные действия самих граждан, и надежду на помощь свыше. Представляется весьма важным этот психологический аспект — немедленное осуществление мероприятий, обещавших спасение.

Другим важным психологическим аспектом предпринятых религиозно-политических мероприятий, призванных обеспечить милость богов, является их коллективный, общественный характер. Наиболее наглядно он представлен в так называемой священной весне — пожалуй, самом масштабном обете, на необходимость которого также указали Сивиллы оракулы. Это единственный исторически зафиксированный случай осуществления старинного италийского ритуала¹⁵. В незапамятные времена его применяли в случае тяжких бедствий, обещая божеству в жертву всё живое, которое родится ближайшей весной, но убийство человеческого потомства было заменено изгнанием юношей и девушек по достижении совершеннолетия (Fest. 150L, s.v. *mamertini*; 519–520L, s.v. *ver sacrum*; ср.: Dionys. Hal. *AR.* I. 16. 1–4; Strabo. V. 4. 12). Впрочем, обет 217 г. до н. э. людей не касался. Тем не менее ввиду его масштабности и уникальности претор М. Эмилий обратился за консультациями к коллегии понтификов, и верховный понтифик Л. Корнелий Лентул ответил, что решение о «священной весне» следует вынести на утверждение народа. Поэтому обет был оформлен в виде запроса к центуриатному народному собранию: «Желаете ли и повелеваете ли поступить следующим образом? Если Республика римского народа квиритов в течение ближайшего пятилетия, как я хочу и обетую, сохранится в целости и невредимости в сих войнах, каковая война ведётся у римского народа с карфагенским и каковые войны ведутся с галлами, живущими по эту сторону Альп, пусть тогда римский народ квиритов отдаст в дар Юпитеру то, что принесут весной стада свиней, овец, коз и коров с того дня, который укажут сенат и народ, и что будет непосвящённым» (далее идёт перечисление условий исполнения обряда во избежание невольных нарушений обета)¹⁶. Обет принёс претор А. Корнелий Маммула (Liv. XXXIII. 44. 2). Таким образом, в обете приняли участие все граждане — в лице

¹⁴ Сопоставление *votum* и *stipulatio* (*sponsio*) см.: Watson 1992, 39–43. См. также: Rohde 1932, 10–11; Latte 1960, 46 (о юридических выражениях в латинском языке касательно обетов); Orlin 1997, 35, n. 1; 50, n. 54; Beard, North, Price 1997, 34.

¹⁵ Подробный анализ данного ритуала см.: Eisenhut 1955, 911–923.

¹⁶ Liv. XXII. 10. 2–6, ср.: Plut. *Fab.* 4. 4–6. Этот обет был выполнен через 21 год, в 195 г. до н. э. (Liv. XXXIII. 44. 1–3), но из-за ошибок при совершении ритуала повторён на следующий год (XXXIV. 44. 1–3; 6).

участников комиций, вынесших это решение, поскольку религиозное обязательство распространялось на всех и каждого. Этот момент соучастия весьма важен для объединения перед лицом грозной опасности, тем более соучастия в овейанном седой древностью обряде, чья уникальность соответствовала крайним обстоятельствам, в которых оказалась римская община.

Такой же массовый обряд представляла собой суппликация¹⁷, причём, как подчёркивает Ливий, вместе с жёнами и детьми для совместного умилоостивительного моления богам сошлись не только горожане, но и сельчане, которых тоже касалась общественная забота (XXII. 10. 8). Это был весьма распространённый в римской культовой практике обряд — у Ливия имеется 60 сообщений о суппликациях¹⁸. Хотя преобладающая часть их происходила по указаниям Сивиллиных оракулов, всё же есть основания говорить лишь о греческом влиянии на уже существовавший римский обычай (см.: Wissowa 1931, 948—949). Несколько экзальтированный характер молений полностью отвечает состоянию умов в дни бедствий и вполне мог иметь местное происхождение, если не абсолютизировать религиозный рационализм римлян. Единение граждан в этом религиозном порыве также должно было поддержать их моральный дух и уверенность в помощи богов.

После ещё более страшного поражения при Каннах религия также пришла на помощь обществу в его противостоянии с обрушившимися бедствиями, грозившими самому существованию Республики. О масштабе катастрофы свидетельствует решение сената, который постановил ограничить траур по погибшим тридцатью днями вместо обычных десяти месяцев (Liv. XXII. 56. 4—5; XXXIV. 6. 15; Plut. *Fab.* 18.1). Такое решение было вызвано тем, что скорбящие считались нечистыми в религиозном отношении, а поскольку траур коснулся практически каждой семьи, то под угрозой оказался регулярный культ богов.

И в этот раз обратились к Сивиллиным книгам для поиска средств умилоостивления богов. Может удивить, что поводом стало не само поражение, а грех двух весталок (Liv. XXII. 57. 2—4, ср.: Plut. *Fab.* 18. 1—3). Объяснение лежит в особенностях римского религиозного мировоззрения, для которого характерно наличие чёткой грани между людскими делами (*ius*) и божественными (*fas*). Поэтому к оракулам обратились из-за религиозного преступления, которое, конечно, усугубило страхи,

¹⁷ Широкое участие народа неоднократно упоминается в источниках, см.: Wissowa 1931, 942—945.

¹⁸ Orlin 1997, 95—96. Первое упоминание сенатского постановления о *supplicatio* относится к 463 г. до н. э. (Liv. III. 7. 7).

вызванные поражением. Ведь и после разгрома при Тразименском озере Фабий порицал Фламиния именно за небрежение религией, а поводом обращения к Сивиллиным книгам Ливий называет «зловещие предзнаменования» (XXII. 9. 8: *taetra prodigia*). Что касается упомянутых весталок, то, как велел известный обычай, одна из весталок была погребена заживо (другая успела покончить с собой). По указаниям оракулов совершили несколько чрезвычайных жертвоприношений (*sacrificia extraordinaria*), из которых упомянуто лишь погребение заживо на Бычьем форуме двух пар мужчин и женщин (галлов и греков). Римляне негативно относились к человеческим жертвоприношениям, что Ливий подчеркнул и в этом сообщении (XXII. 57. 6), но, по всей видимости, масштаб бедствий потребовал особых обрядов. Такой же обряд по указаниям децемвиров священнодействий был совершён примерно за десять лет до описываемых событий. Поводом явилось вторжение в Этрурию огромного галльского войска, потерпевшего в итоге сокрушительное поражение в битве при Теламоне в 225 г. до н. э. (Plut. *Marc.* 3. 6–7; Oros. IV. 13. 3; ср. 4–10).

Ещё одной исключительной мерой стало решение отправить в Дельфы посла (Кв. Фабия Пиктора) спросить оракул Аполлона, какими молитвами и жертвоприношениями можно умиловить богов, и о том, когда же наступит конец столь великим бедам (Liv. XXII. 57. 5; Plut. *Fab.* 18. 3; App. *Hann.* 27. 116). Посол быстро выполнил поручение. Сразу же после получения оракула он совершил в Дельфах жертвоприношение ладаном и вином всем богам и богиням и в том же лавровом венке, в каком был в Дельфах, по велению храмового жреца вернулся в Рим, где снял этот венок и возложил на алтарь Аполлона (Liv. XXIII. 11. 4–6). В оракуле были названы боги и богини, коих следовало умиловить, и указано, каким образом молиться каждому из них (XXIII. 11. 1). В конце его было добавлено: «Если вы, римляне, сделаете так, положение ваше улучшится и облегчится, ваше государство больше преуспеет в соответствии с вашим пожеланием, и победа на войне достанется римскому народу. Удачно распорядившись и сохранив своё государство, да пошлёте вы дар Аполлону Пикийскому от обретенных прибылей и да почитите его от добычи, поживы и трофеев; вы должны воздержаться от веселья» (XXIII. 11. 2–3). По решению сената указанные оракулом моления (*supplicationes*) и жертвоприношения были совершены (XXIII. 11. 6). Благоприятный ответ из Дельфов явно показывал, что эллинский мир на стороне римлян. Обращением к этому авторитетнейшему в Средиземноморье оракулу сенат хотел, несомненно, не только укрепить волю к победе у сограждан, но и продемонстрировать всему миру и прежде всего союзникам решимость Рима бороться до конца (см.: Кораблёв 1976, 159–160).

Таковы сведения о принятых после Канн мерах религиозного характера, незначительное количество которых по сравнению с мероприятиями после поражения при Тразименском озере бросается в глаза, равно как и немногочисленность знамений, связанных с названными битвами (Levene 1993, 48–49). Не исключено, что в тот раз решили этим ограничиться — это следует из заключительной фразы Ливия: «Как полагали, боги достаточно умилиственны» (XXII. 57. 7), после которой он перешёл к рассказу о других решениях (военно-политических), необходимых для продолжения войны.

Пожалуй, самый патетический момент во всём рассказе о событиях после разгрома при Каннах — это торжественная встреча консула Г. Теренция Варрона, виновника поражения, в которой приняли участие представители всех сословий — так подобало приветствовать победителей. Они благодарили его за то, что он не отчаялся в спасении государства (Liv. XXII. 61. 14; XXV. 6. 7; Val. Max. III. 4. 4; ср.: IV. 5. 2; Front. *Strat.* IV. 5. 6; Plut. *Fab.* 18. 4–5; Sil. Ital. X. 606–639; Oros. V. 5. 8–9). Восхищает мудрость такого решения, исходившего, несомненно, от сената, равно как и величие духа римского народа, не отвернувшегося от неудачника, и правящей верхушки, сумевшей переступить через свою ненависть к этому «высечке» ради общего блага. Здесь сказались множество факторов: и политическая целесообразность¹⁹, и духовная потребность в надежде, и своего рода пропаганда гражданских ценностей. Но должны были сыграть свою роль и соображения религиозного характера. Дело не в том, что Варрон, хотя и проиграл битву, не допустил при этом, по мнению Н. Розенштейна, серьёзных нарушений в области религии, в отличие от Фламиния (Rosenstein 1990, 83–85). Важнее другое: в римской политической доктрине особое внимание уделялось сакральной правомочности высших магистратов, поскольку именно они, а не жрецы несли главную ответственность за поддержание мира с богами (*pax deorum*). Наделение магистратов религиозными полномочиями происходило, скорее всего, в ходе процедуры их избрания²⁰. Таким образом, осуществлённая надлежащим образом в религиозном отношении преемственность верховной власти играла в глазах римлян ключевую роль

¹⁹ Очень точно это подметил поздний автор Орозий, сравнивая судьбу Варрона с судьбой Манцина (консул 137 г. до н. э.), который ради сохранения армии заключил позорный договор с нумантинцами и по решению сената был выдан врагам: «Знаю, римляне, то деяние Варрона вам не понравилось, но была сделана уступка ситуации, а это деяние Манцина было угодно, но в соответствии с ситуацией отвергнуто» (Oros. V. 5. 11).

²⁰ Сморгачев 2012, 39–106 (здесь рассмотрены различные аспекты этой проблемы, важной для понимания республиканской религиозно-политической организации).

в деле сохранения должных отношений с богами-покровителями римской общины. Провести выборы мог ограниченный круг магистратов (консул, диктатор, интеррекс). Поэтому наличие высшей власти в лице консула Варрона имело большое психологическое значение с религиозным подтекстом, а решение сената не нагнетать обстановку и всеми силами подчеркнуть сохранение нормальной системы управления государством было абсолютно оправданным и целесообразным²¹, не говоря уже об удивительной его нестандартности, поражавшей потомков (см., например: Liv. XXII. 61. 14–15).

Однако выборы консулов на следующий год (215 г. до н. э.) провёл не Варрон, а назначенный сразу после поражения при Каннах диктатор М. Юний Пера (Liv. XXIII. 24. 1–4). По всей видимости, назначил его единственный оставшийся в живых консул Варрон (XXIII. 14. 2), поскольку это являлось исключительно консульской прерогативой. Как отмечалось выше, Ливий подробно прокомментировал отклонение от нормы при избрании диктатора Фабия, а в данном случае ограничился стандартной формулой *dictator ex auctoritate patrum dictus* (XXII. 57. 9). Ведь тот же Варрон позднее назначил другого диктатора (М. Фабия Бутеона) для составления списка сената (XXIII. 22. 10–11). Решение о проведении выборов магистратов на 215 г. до н. э. через диктатора сенат принял после совещания с претором М. Помпонием (XXIII. 24. 1). Ничего более Ливий не сообщает — ни о причинах, по которым был предпочтён этот вариант, ни о возможных сомнениях и опасениях: о чём-то ведь сенаторы совещались. Но вряд ли речь шла о каком-либо недоверии к консулу или сомнениях в его религиозно-политической правомочности, ибо Ливий тут же говорит о собственном нежелании Варрона задерживаться в Риме ради выборов (XXIII. 23. 9), что, возможно, определялось военной ситуацией. Так что для Ливия и его источников вариант проведения выборов через консула был вполне возможен и приемлем.

Наиболее эффективным средством возвращения доверия к высшей власти и восстановления её сакральной полноценности в Риме служил своеобразный институт «междущарствия» (*interregnum*). Несколько раз Ливий в рассказе о междущарствии употребил выражение «обновление ауспий» (*renovatio auspiciorum*). Ауспиции составляли сакральную базу магистратской власти, представляя собой право выяснять волю богов с помощью гадания по птицам. По всей видимости, это и было целью перехода к междущарствию, дабы неполноценные, осквернённые ауспиции не перешли к новым магистратам (подробнее см.: Сморчков 2012,

²¹ Есть даже сведения, правда, от ненадёжного автора, что Варрону предложили диктатуру, от которой он отказался: Val. Max. III. 4. 4; IV. 5. 2.

103—106). В таком случае прекращались полномочия всех магистратов с ауспигиями (так называемых патрицианских, или курульных, магистратов) (Cic. *Ad Brut.* I. 5. 4; *Leg.* III. 9; *Dom.* 38; Liv. IV. 7. 7; Dionys. Hal. AR. XI. 20. 5; Dio Cass. XLVI. 45. 3). В итоге на какой-то, пусть краткий, срок до избрания первого интеррекса Рим оказывался без персонального носителя общественных ауспигий. Они как бы «растворялись» на время и вновь возобновлялись в лице интеррекса, а затем избранных с его помощью магистратов. Таким образом происходило сакральное «обновление» общественных ауспигий.

Именно через междоусобицу консулом стал сам Варрон. Его избрание состоялось после разгрома при Тразименском озере и гибели консула Г. Фламиния, когда уже в полной мере проявился масштаб опасности. Ливиев рассказ о выборах на 216 г. до н. э. изобилует подробностями религиозно-политического характера, в том числе уникальными. Консулы текущего года, Гн. Сервилий и заменивший Фламиния М. Атилий, не имея возможности явиться в Рим для избрания своих преемников, резонно предложили сенату провести выборы с помощью интеррекса. Сенат же предпочёл распорядиться о назначении диктатора для проведения электоральных комиций (*dictator comitiorum habendorum causa*) — по всей видимости, оттого, что через диктатора проблема решалась быстрее, чем через интеррекса: ведь в таком случае не требовалось сложение полномочий другими магистратами. Однако назначение признали огрешным, т. е. совершённым с нарушением ритуала, а потому через 14 дней диктатор и его начальник конницы, получив соответствующий приказ, сложили свои полномочия, и дело закончилось всё же междоусобицей (Liv. XXII. 33. 9—12). Плебейский трибун Кв. Бебий Геренний, играя на противоречиях между знатью и простым народом, решил помочь своему родственнику Г. Теренцию Варрону добиться консульства (XXII. 34. 3—11). Предлог для обвинений явно был надуманным, но в тех условиях он сыграл свою роль: в отказе диктатора от должности трибун увидел сговор знати (XXII. 34. 7). Обвинял Бебий сенат и авгуров (XXII. 34. 3) — последних в том, что из-за них диктатор оказался огрешным (XXII. 34. 10). Несомненно, речь шла о решении (декрете) авгуров по этому поводу (ср.: Liv. IV. 7. 3) и о последовавшем за ним распоряжении сената.

Имелась ли какая-нибудь политическая подоплёка в отказе диктатора от должности, сказать трудно. Сомнительно, чтобы избранный диктатором патриций Л. Ветурий Филон (консул 220 г. до н. э.) был чем-то неугоден сенату. А потому не исключено, что здесь повлияли главным образом религиозные факторы. Такой вариант вполне соответствует действительности, если исходить из римского мировоззрения, а не со-

временного рационализма²². В условиях военного времени могли случиться отступления от требуемого ритуала, что вызвало у правящей элиты опасения религиозного характера, которые подогревались крайне неудачно складывавшейся для Рима военной ситуацией и заставили в конечном итоге обратиться к междуцарствию. Другое дело, что принятое из благочестивых побуждений решение в политическом плане обернулось против самого сената. В напряжённой обстановке, усугублённой разорением Италии Ганнибалом, чему способствовала выбранная тактика сдерживания, любое решение сената, даже самое верное, легко обращалось против него же. Ничего необычного в этом нет — и ныне такое нередко случается, особенно в смутные времена.

Единого рецепта при решении религиозно-политических проблем не существовало. Например, вполне ожидаемым междуцарствие было в 208 г. до н. э., когда один консул (М. Клавдий Марцелл) погиб, а другой (Т. Квинкий Криспин) был смертельно ранен. Тем не менее сенат предложил последнему назначить диктатора для проведения выборов, что он успел сделать перед смертью (Liv. XXVII. 29. 2–5; 33. 6). Удивительно, но гибель обоих консулов не повлекла за собой заметных опасений религиозного свойства, вызвав лишь скорбное удивление (XXVII. 33. 7). Для римлян в тот непростой год Ганнибаловой войны, накануне переломного сражения при Метавре, оказалось важнее без промедления избрать новых консулов; страхи же религиозного свойства были успокоены иными, чем междуцарствие, средствами. А именно назначенный Криспином диктатор Т. Манлий Торкват по поручению сената справил Великие игры в честь Юпитера, обет провести которые через пять лет был дан ещё в 217 г. до н. э., но не выполнен, и обетовал справить их через следующие пять лет (Liv. XXII. 9. 10–11; 10. 7; XXVII. 33. 8).

В ходе Ганнибаловой войны возникла ещё одна уникальная коллизия, связанная с выборами, — в 215 г. до н. э. при избрании консула-суффекта. Один из выбранных на этот год консулов, Л. Постумий Альбин, погиб до вступления в должность. На его место доизбрали консула, каковым стал М. Клавдий Марцелл. Однако при вступлении его в должность случилось неблагоприятное знамение (прогремел гром). Авгуры пришли к выводу, что М. Клавдий Марцелл «избран огрешно» (*vitio creatus*) (Liv. XXIII. 31. 13; ср.: XXVII. 22. 1; Plut. Marc. 12. 1–2), после чего он добровольно отказался от консульства. По мнению сенаторов

²² О политической борьбе вокруг этих выборов (с соответствующей историографией) см.: Твуман 1984, 285–294. Религиозные обстоятельства в этих исследованиях лишь упомянуты либо рассматриваются как не более чем ширма для политических манипуляций.

(в изложении Ливия), богам было неудобно, что оба консула оказались из плебеев. Ранее такого не случалось, так что Ливием передана, видимо, действительно имевшая место версия, основанная на отсутствии прецедента. К тому же патриции даже после уравнивания сословий сохраняли особое религиозное значение, в том числе в области общественных ауспиций, что также говорит в пользу доверия к указанному мнению.

Обращает на себя внимание одно необычное обстоятельство. Ведь и на комициях, и при магистратском гадании (ауспикации) неблагоприятное знамение не влекло за собой серьёзных последствий — общественный акт и гадание по его поводу переносились на другой подходящий день²³. В данном же случае знамение привело к отказу Марцелла от должности, пусть и добровольному. Объяснение может заключаться либо в особом «качестве» знамения в силу специфики первой ауспикации магистрата²⁴, либо в особом характере ситуации. Серьёзного внимания заслуживает второй вариант — ведь это был тяжелейший для римлян год после разгрома при Каннах, причём речь шла о довыборах на место погибшего Л. Постумия Альбина, избранного в консулы, но не успевшего принять должность. Ввиду особого значения высших магистратов для поддержания миропорядка (в практическом и религиозном смысле) любое случавшееся с ними несчастье, а тем более гибель кого-либо из них, воспринималось как свидетельство недовольства богов-покровителей римской общины своими «контрагентами», как предзнаменование будущих бед²⁵. В такой ситуации пристальное внимание к требованиям религиозного характера и различным знамениям вполне объяснимо, даже если за отказом Марцелла скрывались какие-то политические противоречия и соображения²⁶. И гром, который в иных условиях привёл бы всего лишь к переносу и повторению консульских ауспиций, после крупнейших поражений римлян был воспринят обществом весьма серьёзно, в силу чего Марцелл, к тому же сам являвшийся авгуром (Liv. XXVII. 36. 5; Plut. *Marc.* 2. 3; Cic. *Div.* II. 77), решил на всякий случай не принимать должность. Консульства он удостоился уже на следующий

²³ Краткую, но полную и ясную характеристику см.: Linderski 1986, 2295.

²⁴ Linderski 1986, 2170–2171. Анализ ситуации: Linderski 1986, 2159, n. 37; 2160–2161. Историографию см.: Linderski 1986, 2159, n. 37; 2160, n. 39.

²⁵ Поэтому, когда после взятия Вей Камилл оступился и упал во время молитвы, он тут же попытался обратить дурное предзнаменование на себя лично, отвратив его от Рима (Val. Max. I. 5. 2; Liv. V. 21. 16; Plut. *Cam.* 5. 9). Интересно отметить, что в таких случаях обращали внимание на то, кого же в итоге коснулся ожидавшийся гнев богов — только магистрата или всего Рима (см., например: Liv. VIII. 30. 1; XXVII. 23. 4; 33. 12).

²⁶ Историографию и критику политических объяснений см.: Linderski 1986, 2168–2169; Levene 1993, 51, n. 42; Müller-Seidel 1953, 246–247.

год (214 г. до н. э.), ничего, таким образом, не потеряв с точки зрения своих политических амбиций. Причём выборами руководил тот самый Кв. Фабий Максим, авгур и бывший диктатор, который тогда был избран консулом вместо Марцелла, и на этих комициях он явно действовал в пользу последнего (Liv. XXIV. 7. 11 — 9. 3). Указанные обстоятельства позволяют вполне уверенно говорить о преобладании связанных с религией соображений и факторов в рассмотренных событиях²⁷, хотя, конечно, у современного исследователя есть соблазн увидеть здесь политическую подоплёку.

Как видим, принятие, казалось бы, чисто политических решений вполне могло быть обусловлено исключительно религиозными соображениями. Во всех вышеописанных случаях религиозные действия и элементы «следовали» за политическими событиями и актами — при всей, разумеется, их тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Но имела место и обратная последовательность. В первую очередь это касается многочисленных предзнаменований (продигий), свидетельствовавших о гневе богов и необходимости восстановления нарушенного *pax deorum*. Сведения о них и об их искуплении являются наиболее подробной и регулярной частью касающихся религиозной тематики данных Ливия, наверняка заимствованных из жреческих записей (подробнее см.: Klotz 1936, 84–90). Сама обстановка военной опасности и ожидания бедствий провоцировала сообщения о различных необычных явлениях природы, как верно подметил Цицерон: «Ведь во время войны испуганным людям очень много и очень часто кажется такого, на что в мирное время не обращают столько внимания» (*Div.* II. 58). Показательно замечание Ливия о начале Ганнибаловой войны: «Той зимой (218–217 гг. до н. э. — А. С.) в Риме и в округе имели место многочисленные продигии либо — как обычно происходит, когда души объаты религиозным страхом, — о многих сообщали и этому легко верили» (Liv. XXI. 62. 1. Ср.: III. 10. 6; XXII. 1. 13; XXIV. 10. 6; XXVIII. 11. 1; XXIX. 14. 2; Polyb. III. 112. 8).

Сообщения о многочисленных знамениях действовали негативно на умы римских граждан, ослабляя волю населения и способствуя распространению панических настроений, а это угрожало самому существованию общины. Посему сенат и магистраты проявляли самое пристальное внимание к этой сфере сакральных отношений, изыскивая средства искупления гнева богов и руководя их осуществлением. Решение о признании тех или иных сообщений и соответственно о проведении необходимых мероприятий принимал сенат по докладу консулов в самом начале их административного года. Ливий старательно перечисляет

²⁷ См. также: Müller-Seidel 1953, 247–249.

знамения и принятые меры²⁸. Из его повествования выпал лишь 205 г. до н. э.²⁹ (консульство П. Корнелия Сципиона) — возможно, потому что всё внимание в рассказе о начале консульского года знаменитого Сципиона сосредоточилось на дискуссиях относительно подготовки вторжения в Африку.

Искупительные обряды, проводившиеся, как правило, высшими магистратами, имели важное значение для успокоения умов, для внушения веры в помощь богов и в конечный успех на войне. Это точно подметил Ливий после рассказа о мерах, предпринятых для искупления prodigий 218 г. до н. э.: «Эти искупления и обеты по Сивиллиным книгам в значительной мере избавили души от страха перед знаменами» (Liv. XXI. 62. 11). Показательно, что в проводившихся тогда мероприятиях активное участие принимали все граждане, в том числе и матроны (XXI. 62. 5; 8; 9). Преобладали традиционные, уже «доказавшие» свою эффективность способы установления «мира с богами» (Liv. XXI. 62. 6–10): очищение Рима, молебствия, жертвоприношения указанным в оракулах богам, дары в храмы. Претор этого года Г. Атилий Серран принёс обет за сохранение Республики в ближайшие десять лет (обет на такой длительный срок упомянут впервые). И даже греческого происхождения лектистернии, как отмечалось выше, давно уже стали привычной в Риме практикой. Подобные ритуалы по искуплению prodigий проводились и в другие годы.

Необычные, пугающие и к тому же многочисленные prodigia давали повод для инноваций в республиканской религиозно-политической системе, причины которых порой могли быть гораздо глубже. Как правило, новшества появлялись по указанию Сивиллиных книг, к которым прибегали опять-таки в исключительных обстоятельствах. Пожалуй, самой значительной инновацией, имевшей место в соответствии с Сивиллиными оракулами, было заимствование в 204 г. до н. э. из Пессинунта в Малой Азии культа Великой (Идейской) Матери богов (Кибелы), в честь которой был построен храм и учреждены Мегалесийские игры³⁰. Поводом для обращения к книгам стало знамение в виде «каменного дождя»

²⁸ Liv. XXI. 62. 1–11; XXII. 1. 8–20 (ср.: Plut. *Fab.* 2); 36. 6–9; XXIII. 31. 15; XXIV. 10. 6–13; 44. 7–9; XXV. 7. 7–9; XXVI. 23. 4–6; 8; XXVII. 4. 11–15; 11. 1–6; 23. 1–4; 37. 1–15; XXVIII. 11. 1–7; XXIX. 14. 2–4; XXX. 2. 9–13; 38. 8–12.

²⁹ Сомнительно, чтобы список знамений этого года состоял из единственного знамения, упомянутого к тому же под конец (Liv. XXIX. 10. 4). Кроме того, ничего не сообщается об искупительных мероприятиях, как ожидалось бы, зато это знамение привело к заимствованию культа Великой Матери богов, о чём чуть ниже. Иное мнение, равно как и объяснения, см.: Levene 1993, 66, 68–69.

³⁰ Liv. XXIX. 10. 4–6; 11. 1–8; 14. 5–14; XXXIV. 54. 3; XXXVI. 36. 3–5; Varro. *LL.* VI. 15; Ovid. *Fast.* IV. 255–372; Cic. *Har. resp.* 26–27; *De vir. ill.* XLVI; Amm. Marc. XXII. 9. 5; App. *Hann.* 56. 233–237; Strabo. XII. 5. 3; Cal. Praen. ad Apr. 4.

(*de caelo lapidatum*), которое слишком часто (*crebrius*) случалось в том году (Liv. XXIX. 10. 4). Что собой представляло это природное явление — сказать трудно, но оно неоднократно упоминается в источниках начиная с 344 г. до н. э. Для его искупления всегда применялся один и тот же ритуал *sacrum novendiale* («девятидневное священнодействие»)³¹. Ливий особо подчёркивает, что указанный обряд являлся обычным в случае каменного дождя (I. 31. 4; XXIII. 31. 15; XXX. 38. 9). Почему в 204 г. до н. э. обратились к Сивиллиным оракулам, источники не сообщают. Возможно, пугающей оказалась чрезмерная частота знамения, что послужило поводом для поиска иного искупительного ритуала. Логично предположить и политическую подоплёку принятых мер: война с Ганнибалом шла к завершению, римляне готовились к высадке в Африке для нанесения решающего удара, а потому не исключён интерес сената к укреплению связей с Восточным Средиземноморьем, в частности с пергамским царём Атталом. С 211 г. до н. э. он находился в союзе с Римом против македонского царя Филиппа V, принявшего сторону Ганнибала. В пользу последнего варианта говорит несоответствие между поводом (знамение) и полученным ответом. Ведь ожидалось указание на какое-нибудь искупительное мероприятие, но оракул высказался по поводу окончания войны: «Когда бы иноземный враг ни пошёл войной на землю Италии, его можно изгнать из Италии и победить, если в Рим будет доставлена из Пессинунта Идейская Мать» (Liv. XXIX. 10. 5; ср.: Cic. *Har. resp.* 27; Ovid. *Fast.* IV. 255–260; Sil. Ital. XVII. 1–4; Diod. XXXIV. 33. 2).

В этом предсказании сенат увидел подтверждение ответа, который привезли послы, отправленные в Дельфы с дарами в предыдущем году (Liv. XXVIII. 45. 12): оракул Аполлона Пифийского пообещал римлянам более великую победу, чем та, которая дала повод для принесения даров (XXIX. 10. 6). Соответственно в Малую Азию было отправлено посольство из пяти экс-магистратов (XXIX. 11. 3–4), которые по дороге также заехали в Дельфы, чтобы узнать, какая надежда есть у них и у римского народа на выполнение порученного дела (Liv. XXIX. 11. 5; ср.: Ovid. *Fast.* IV. 263–264). Оракул посоветовал обратиться к царю Атталу и добавил, что в Риме богиню должен встретить «наилучший человек» (*vir optimus*) (Liv. XXIX. 11. 6; Sil. Ital. XVII. 5–7). Дружелюбно принятые царём послы прибыли в Пессинунт во Фригии, который был центром поклонения Матери богов, и получили от царя священный камень, считавшийся самой богиней (Liv. XXIX. 11. 7). Для встречи богини, т. е. священного

³¹ Liv. I. 31. 1–4; XXI. 62. 5–6; XXIII. 31. 15; XXV. 7. 7; 9; XXVI. 23. 5–6; XXVII. 37. 1; 4; XXIX. 14. 4; XXX. 38. 8–9; XXXIV. 45. 8; XXXV. 9. 4–5; XXXVI. 37. 3–5; XXXVIII. 36. 4; XXXIX. 22. 3; XLIV. 18. 6; Obseq. 2; 3; 44; 51; 54.

камня, сенат избрал «наилучшего человека», каковым «оказался» П. Сципион, сын Гнея, двоюродный брат знаменитого Сципиона, молодой человек, ничем ещё не прославившийся³². Почему сенат свой выбор остановил на нём³³, недоумевал и Ливий (XXIX. 14. 9)³⁴.

Упомянутый Сципион Назика вместе с матронами и весталками отправился в римский порт Остию, откуда вышел на корабле и принял священный камень в открытом море, после чего на суше передал его матронам (Liv. XXIX. 14. 10–12). Камень ему вручили некие жрецы (*sacerdotes*) — очевидно, так называемые галлы, жрецы-евнухи Великой Матери богов. Матроны понесли «богиню» в Рим на руках, сменяя друг друга. Навстречу процессии вышел весь город, перед дверями домов, мимо которых её несли, выставили курильницы с благовониями и молились, чтобы она вошла в Рим охотно и благосклонно. До постройки собственного храма (191 г. до н. э.) её поместили весьма символично в храм Победы на Палатине, и день этот стал праздничным, будучи посвящён Великой Матери богов (XXIX. 14. 13). Множество людей (*populus frequens*) принесли дары на Палатин, ей устроили лектистерний и игры, названные в её честь Мегалесийскими (XXIX. 14. 14). Таким образом, принятое решение (о заимствовании культа) объединило в религиозном порыве всех граждан в тот момент, когда требовалось последнее усилие для победоносного завершения войны³⁵. Учтём и то обстоятельство, что Кибелу связывали с легендарными предками римлян — троянцами³⁶, соответственно эти празднества призваны были сплотить римлян вокруг культа богини, являвшейся их прародительницей и покровительницей. Правда, поскольку её ритуалы выглядели слишком экстравагантно для римских нравов того времени³⁷, сенат запретил гражданам принимать в них участие и становиться её жрецами (Dionys. Hal. AR. II. 19. 3–5; ср.: Obseq. 44a; Val. Max. VII. 7. 6).

³² Liv. XXIX. 14. 5–8; XXXV. 10. 9; XXXVI. 36. 3; 40. 8–9; Cic. *Har. resp.* 27; *Brut.* 59; Val. Max. VII. 5. 2; VIII. 15. 3; Vell. II. 3. 1; Sil. Ital. XVII. 10–12; Plin. *NH.* VII. 120; Amm. Marc. XXII. 9. 5; *De vir. ill.* XLIV. 1; XLVI. 3; Diod. XXXIV. 33. 2–3; App. *Hann.* 56. 236 etc.

³³ Анализ политических и религиозных обстоятельств этого выбора см.: Köves 1963, 322–335.

³⁴ Удивительно, но человек, удостоившийся такого звания, затем дважды провалился на цензорских выборах (Liv. XXXVII. 57. 9–10; ср.: 58. 2; XXXIX. 40. 2, ср.: 41. 4), так и не удостоившись именно той магистратуры, в чьи задачи входил надзор за нравственностью сограждан (*cura morum*).

³⁵ Рассказы других авторов о встрече богини: Ovid. *Fast.* IV. 291–347; Sil. Ital. XVII. 13–47; Dio Cass. XVII. 57. 61; App. *Hann.* 56. 233–237; Herod. I. II. 3–5.

³⁶ См., в частности: Rohde 1932, 19; Köves 1963, 332.

³⁷ Жрецы-евнухи, пёстрые одеяния, непривычная музыка, сбор подаяния и т. п.: Cic. *Leg.* II. 22; 40; Dionys. Hal. AR. II. 19. 4–5; Lucret. II. 600–643; Ovid. *Fast.* IV. 181–189; 350; 361; Diod. XXXVI. 13. 1; Aug. *CD.* VII. 24; 26.

Ещё одна беспрецедентная и весьма красочная церемония состоялась чуть ранее, в 207 г. до н. э., в обстановке напряжённого ожидания накануне поворотного в Ганнибаловой войне сражения при Метавре³⁸. В этой истории приняли участие и жрецы Сивиллы (децемвиры), и римские понтифики, и этруски-гаруспики, и светские власти в лице курульных эдилов. Возможно, появление нового ритуала было обязано тому, что прежние искупительные меры показались неэффективными (Воусе 1937, 159–160). После многочисленных prodigий, особенно ввиду рождения гермафродита, наряду с обычными обрядами понтифики распорядились трём группам девушек по девять человек обойти Рим с пением гимна, который был сочинён поэтом Ливием Андроником (Liv. XXVII. 37. 7; Fest. 446L, s.v. *scribas*). При подготовке произошло ещё одно событие, весьма показательное по своим последствиям: когда девушки разучивали этот гимн в храме Юпитера Остановителя на Форуме, в храм Юноны Царицы на Авентине попала молния. Гаруспики сочли, что это знамение «адресовано» матронам, и заявили о необходимости умиловить богиню с помощью дара (Liv. XXVII. 37. 8). Соответственно по эдикту курульных эдилов на Капитолий были созваны матроны, имевшие местожительство в Риме и в пределах десяти миль от него, и они сами выбрали из своей среды 25 человек для приёма взносов, которые женщины сделали из своего приданого. На взносы изготовили золотой таз, принесённый в дар Юноне на Авентин (XXVII. 37. 9–10). Дары вскладчину в тот же храм матроны приносили ещё в начале войны (XXI. 62. 8; XXII. 1. 18), равно как и при посвящении самого этого храма в 392 г. до н. э. (V. 31. 3; 52. 10).

В этих событиях ярко проявилось особое положение римских женщин, которым не были чужды понимание общественных проблем и стремление помочь их решению — главным образом религиозными средствами (Wardman 1982, 39; Rüpke 1990, 66–67). Они активно участвовали во всенародных молениях (*supplicationes*)³⁹, благодарственных или умоливательных, вносили собственные средства на украшение храмов и организацию религиозных празднеств⁴⁰. Подобное понимание исходило и от общества, как в данном случае, где инициативу по привлечению

³⁸ Ливий весьма живо и ярко передает эту атмосферу тревожного ожидания (XXVII. 35. 5; 36. 1–4; 38. 1–2; 39. 1–3; 40. 1–7; 44; 45. 7–10; 50. 3–6), равно как и огромную радость, охватившую Рим после известия об одержанной победе (Liv. 50. 6–11; 51. 1–10; ср.: Polyb. XI. 3. 5).

³⁹ Liv. III. 5. 14; 7. 7–8; V. 18. 11–12; 23. 3; X. 23. 1–2; XXVII. 37. 7; 11–15; 50. 5; 51. 8–9; XXIX. 14. 10–14; XLV. 2. 6–7; Dionys. Hal. AR. VIII. 39. 1; Plut. *Cor.* 33. 1.

⁴⁰ Liv. V. 25. 7–10; 31. 3; 50. 7; 52. 10; XXI. 62. 8; XXII. 1. 18; XXVII. 37. 8–10; Fest. 282L, s. v. *pilentis*; Plut. *Cam.* 8; Diod. XIV. 116. 9; ср.: App. BC. IV. 33.

матрон к выполнению требований богов проявила власть. Но на эти события можно посмотреть и с другой стороны — активные действия на благо общества снижают уровень психологической напряжённости, как тонко подметил Ливий чуть далее в рассказе об ожидании исхода битвы при Метавре, когда эта напряжённость достигла пика: «Матроны, поскольку от них самих ничего не зависело, обратились к молитвам и мольбам и бродили по всем святилищам, беспокоя богов просьбами и обетами» (Liv. XXVII. 50. 5; ср.: XXVI. 9. 7–8; Polyb. IX. 6. 3–4). Действительно, не имея возможности принимать непосредственное участие в событиях, женщины получали в религии компенсацию своих тревог, усугубленных характерной для них эмоциональностью.

После принесения упомянутого дара Юноне децемвиры сразу же назначили день для другого священнодействия той же богине (Liv. XXVII. 37. 11–15). Видимо, удар молнии в её храм привёл ещё и к тому, что именно ей была посвящена церемония, о подготовке которой речь шла в начале рассказа (Воусе 1937, 161–166). Торжественная процессия прошла от храма Аполлона на Марсовом поле через Карментальские ворота, огибая Капитолий с юга по Ярёмной улице, на Форум, откуда по Этрусской улице и по Велабру достигла Бычьего рынка и поднялась к храму Юноны Царицы на Авентине. В процессии вели двух белых коров и несли две кипарисовые статуи богини: коров децемвиры принесли в жертву перед храмом, а статуи поместили в самом святилище. Наиболее яркую часть процессии, как можно представить, составляли шедшие вслед двадцать семь девушек в длинных одеждах. За ними шли децемвиры в лавровых венках и претекстах. Девушки пели гимн в честь богини, а на Форуме, когда процессия остановилась, они же, взявшись за верёвку, прошлись, видимо, в некоем танце, отбивая такт ногами под ритм гимна⁴¹. Одержанная затем решающая победа в битве при Метавре, несомненно, способствовала включению обряда с участием упомянутых двадцати семи девушек в римскую культовую практику⁴². Юлий Обсеквент, автор книги «О продигиях», несколько раз отметил, что исполнением гимна они очищают (*lustrare*) город Рим (Obseq. 36; 48; 53). По всей видимости, и в 207 г. до н. э. целью религиозной процессии также являлось ритуальное очищение Рима, призванное вернуть милость богов и принести победу (ср.: Liv. XXI. 62. 7).

⁴¹ Употреблённое Ливием (XXVII. 37. 14) выражение *pulsu pedum* («ударом ног») похоже на обозначение священного танца в три такта (*tripudium*). Ср.: *pede candido in morem Salium ter quatient humum* (Ног. Carm. IV. 1. 27–28). Ливий в другом месте пишет о салиях, танцевавших трипудий под пение священных песен (I. 20. 4).

⁴² Процессия из двадцати семи дев с пением гимна как средство искупления продигий упоминается для 200, 119, 117, 104, 99, 97 и 92 г. до н. э.: Liv. XXXI. 12. 9–10; Obseq. 34; 36; 43; 46; 48; 53.

Как видим, тяжёлая и длительная война не только усилила консервативные настроения в сфере идеологии, но и породила естественное желание прибегнуть к новым, нетрадиционным методам. Некоторые симптомы идеологического кризиса имели место и в Риме во время войны с Ганнибалом, но вмешательство властей потребовалось лишь однажды (Liv. XXV. 1. 6–12). В 213 г. до н. э., как сообщает Ливий, поклонение чужеземным богам и по чужеземному ритуалу вышло за пределы частного культа и приобрело общественное значение в силу своей массовости и открытости, совершаясь даже на Форуме и Капитолии (XXV. 1. 7). Ливий логично объясняет такое нарушение традиционного культа длительной войной, шедшей с переменным успехом, и нарушением привычного образа жизни у селян, вынужденных бежать в Рим от военных бедствий. Как обычно, самое активное участие в этих новшествах принимали женщины, чьи эмоциональность и чувствительность подверглись серьёзному испытанию в эти годы. Большое значение приобрели разного рода предсказатели (*vates*), что не было свойственно римской религии, и новоявленные «жрецы» (*sacrificuli*), не имевшие отношения к старинным римским жречествам. Сенат разбранил эдилов и триумвиров по уголовным делам за попустительство, но когда те попытались удалить толпу с Форума и разбросать жертвенные принадлежности, то сами едва не стали жертвами насилия. Поскольку власти младших магистратов оказалось недостаточно, принять меры сенат поручил претору М. Эмилию, т. е. магистрату с империем. Тот зачитал на сходке (*contio*) постановление сената и приказал к определённом сроку (до апрельских календ) сдать ему все пророческие книги, а также записи молитв и предписания по осуществлению священнодействий. Речь шла о запрете совершать новые и чужеземные обряды в общественных и священных местах (*in publico sacrove loco*: Liv. XXV. 1. 12), но на собственно частный культ в соответствии с принципами римской религии запреты не распространялись. Предпринятые меры оказались действенными, и в дальнейшем проблема открыто не возникала, хотя, как показал процесс о Вакханалиях (186 г. до н. э.), она всё же оказалась загнанной вглубь, а не решённой.

Власти противодействовали тяге к новым способам общения с богами, проявившейся в годы Ганнибаловой войны, не только посредством запретов, но и с помощью частичного удовлетворения этой потребности, о чём уже шла речь выше, — но исключительно посредством решений, принятых самими общинными органами. Обращает на себя внимание, что в следующем, 212 г. до н. э., одна из книг, сданных претору М. Эмилию, была признана «истинной», и он передал её новому претору П. Корнелию Сулле. Речь идёт о пророческих стихах (*carmina*) некоего предсказателя (*vates*) Марция (Liv. XXV. 12. 2–12). Хотя Ливий

называет его известным (*inlustris*), сведения о нём практически отсутствуют (Münzer 1930, 1538; 1541). К тому же у Ливия упомянут один автор стихов⁴³, в то время как другая традиция говорит о братьях-прорицателях (Cic. *Div.* I. 89; II. 113; ср.: I. 115; Serv. *Ad Aen.* VI. 70; Symm. *Epist.* IV. 34. 3).

Признание и принятие пророческих книг в истории Римской республики — уникальное событие. В данном же случае внимание привлекло пророчество, которое расценили как предсказание поражения при Каннах, т. е. уже состоявшегося события. Это заставило обратить внимание на другое пророчество, более тёмное (*obscurius*) и путанное (*perplexius*), по выражению Ливия, обращённое в будущее: в нём речь шла о том, что для изгнания врага необходимо учредить игры в честь Аполлона. Целый день, как сообщает Ливий, пытались объяснить это стихотворение, а на следующий день сенат принял решение, чтобы по поводу игр в честь Аполлона и совершения требуемого священнодействия жрецы-децемвиры обратились к Сивиллиным книгам. После доклада децемвиоров о результатах сенат постановил обетовать и совершать игры в честь Аполлона (Liv. XXV. 12. 2–15; Macr. *Sat.* I. 17. 27–29; ср.: Fest. 436–438L, s.v. *salva res*), поручив их претору (этого требовало пророчество Марция), которому выдавали определённую сумму (12 тысяч ассов) и двух быков⁴⁴ для принесения в жертву (Liv. XXV. 12. 8–12). Другим постановлением сената децемвирам предписывалось, опять-таки в соответствии с пророчеством Марция, принести жертву по греческому обряду: Аполлону — быка с вызолоченными рогами⁴⁵ и двух таких же белых коз, Латоне — корову с вызолоченными рогами (XXV. 12. 13). Народ смотрел игры в венках, что являлось греческим обычаем (XXV. 12. 15)⁴⁶. Граждане приняли активное участие в событиях не только в качестве зрителей: в соответствии с требованием пророчества Марция претор издал указ, чтобы народ сделал взносы Аполлону (т. е. на игры); матроны возносили молитвы; все пировали под открытым небом, распахнув настежь двери; совершались в этот день и другие неназванные обряды всякого рода (XXV. 12. 15). Столь широкое участие граждан, само по себе в рим-

⁴³ Liv. XXV. 12. 3. Другие авторы: Fest. 162L. 6 (указывает его преномен — Гней); 184L. 18; 185L. 4; 438L. 16; Plin. *NH.* VII. 119; Amm. Marc. XIV. 1. 7; Macr. *Sat.* I. 17. 25; 28; Zonar. IX. 1.

⁴⁴ У Ливия — *duas hostias maiores*, т. е. «двух взрослых животных». Жертвенным животным Аполлону являлся бык: Liv. XXV. 12. 13; Verg. *Aen.* III. 119; Macr. *Sat.* I. 17. 29; III. 10. 4 (со ссылкой на 68-ю книгу Лабееона, вероятно, на сочинение юриста М. Антистия Лабееона «О понтификальном праве»); 5.

⁴⁵ О толковании понятия *aurato* см.: Marquardt 1878, 175. Anm. 2; Wissowa 1912, 416.

⁴⁶ Рассказ Ливия практически дословно повторён Макробием (*Sat.* I. 17. 28–29; ср.: Fest. 438L. 11–16).

ской религиозной практике не редкое (Сморчков 1991, 49–58), всё же свидетельствует о стремлении правящей верхушки дать ответ на духовные запросы общества, обострившиеся и изменившиеся под влиянием тяжелейших обстоятельств, противопоставить частной инициативе (непредсказуемой, а потому опасной) общественную санкцию.

Таким образом, игры в честь Аполлона были учреждены по двойному указанию, полученному как из пророчества только что признанной книги Марция, так и из старинных Сивиллиных книг, ставших частью римской религиозно-политической системы ещё в царскую эпоху, при Тарквиниях. В 211 г. до н. э. по предложению претора Г. Кальпурния Пизона сенат принял решение обетовать Аполлоновы игры ежегодно (Liv. XXVI. 23. 3), а в 208 г. до н. э. претор П. Лициний Вар по приказу сената предложил на утверждение народа закон о ежегодном праздновании этих игр в определённый день, после чего он же принёс соответствующий обет (XXVII. 23. 5–7). Тем самым завершился процесс учреждения постоянных игр в честь Аполлона. Как подчёркивают Ливий (XXV. 12. 15) и Макробий (*Sat.* I. 17. 27), опровергая, видимо, распространённое мнение, введены они были ради победы, а не ради здоровья, т. е. связаны с событиями Ганнибаловой войны.

Несколько слов необходимо сказать о храмовом строительстве, резкий подъём которого в Риме начался на рубеже IV–III вв. до н. э. По вполне понятным причинам в годы Ганнибаловой войны оно приостановилось. Было построено всего лишь четыре храма. Как уже упоминалось выше, после поражения при Тразименском озере были обетованы в соответствии с Сивиллиными оракулами храмы Венеры Эрицинской и Ума (217 г. до н. э.). Обет возвести первый храм по требованию тех же оракулов дал диктатор Кв. Фабий, второй — его родственник претор Т. Отацилий (Liv. XXII. 10. 10), а в 215 г. до н. э. они же посвятили храмы (каждый свой), построенные на Капитолии (XXIII. 30. 13–14; 31. 9; 32. 2). Чуть позже, в том же 217 г. до н. э., возник страх перед гневом богов из-за годичной задержки в выполнении обета относительно храма Согласия (*Concordia*), данного в 218 г. до н. э. претором Л. Манлием (XXII. 33. 7–8). Хотя прямо не сказано, но, по всей видимости, озабочился этим сенат, ибо в данной главе у Ливия речь шла именно о его решениях. Уже на следующий год храм был посвящён в Крепости (XXIII. 21. 7). То, насколько быстро по римским меркам строились эти храмы, тем более в условиях военного времени и тяжелейших поражений, ясно указывает, что речь шла о скромных по размерам постройках.

Долгая история была связана с последним храмом, возведённым в годы Ганнибаловой войны, — храмом Доблести у Капенских ворот. Обет построить храмы Чести (*Honos*) и Доблести (*Virtus*) дал знаменитый М. Клавдий

Марцелл во время своего первого консульства (222 г. до н. э.) в битве с галлами при Кластидии, но, по всей видимости, даже не начинал его выполнять, поскольку в 211 г. до н. э. во время осады Сиракуз Марцелл повторил свой обет. Однако и с его исполнением он не торопился, пока каким-то образом в 208 г. до н. э. его не побудили приступить к исполнению уже двойного обета⁴⁷. Он попытался посвятить обоим божествам имевшийся храм Чести, посвящённый Кв. Фабием (Кунктатором) во время войны с лигурами в 233 г. до н. э. (Cic. *ND*. II. 61), однако по требованию понтификов был вынужден дополнительно построить храм Доблести. Посвятил его в 205 г. до н. э. сын Марцелла, к тому времени погибшего (Liv. XXIX. 11. 13). Оба храма были богато украшены добычей, захваченной в Сиракузах: в этом Ливий видел начало упадка нравов (чему способствовало восхищение произведениями греческого искусства) и религиозности (к чему вела распущенность при грабеже священного и несвященного имущества) (Liv. XXV. 40; ср.: Plut. *Marc*. 21. 6; Polyb. IX. 10).

Упадок активности в храмовом строительстве во время тяжелейшей войны не вызывает удивления. Удивляет другое — крайне незначительное количество храмовых обетов, данных во время войны. Их насчитывается всего пять: обеты уже упоминавшихся храмов Уму, Венере Эрицинской и Великой Матери богов, а также храма Юности (*Juventas*) и храма Фортуны Первородной (*Fortuna Primigenia*). Первый был обетован консулом М. Ливием во время переломной битвы при Метавре (207 г. до н. э.) и посвящён в Большом Цирке в 191 г. до н. э. (Liv. XXXVI. 36. 5–7) одновременно с храмом Великой Матери богов (XXXVI. 36. 3–4). Храм Фортуны был обетован в самом конце войны, в 204 г. до н. э., консулом П. Семпронием в битве с самим Ганнибалом и посвящён на Квиринальском холме в 194 г. до н. э. (XXIX. 36. 8; XXXIV. 53. 5–6). В тот год, через семь лет после окончания Второй Пунической войны, был нарушен своеобразный мораторий на новые храмы: помимо названного посвятили ещё три храма уже по послевоенным обетам (XXXIV. 53. 3–7), и далее обетование и строительство храмов становится в Риме обычным делом, чуть ли не ежегодным. Как показывает пример с тем же Марцеллом, обет отнюдь не предполагал немедленного его осуществления, которое нередко весьма затягивалось. Через 21 год был выполнен и упомянутый ранее обет «священной весны», принятый после разгрома при Тразименском озере. Поэтому практически полное от-

⁴⁷ Liv. XXV. 40. 2–3; XXVII. 25. 7; XXIX. 11. 13; Cic. *Verr*. II. 4. 123; Val. Max. I. 1. 8; Plut. *Marc*. 28. 2. Ливий упоминает только первый обет, Цицерон — только второй (впрочем, это соответствовало задачам его речи), Валерий Максим — оба. Возражения против принесения второго обета см.: Aberson 1994, 147.

существование храмовых обетов нельзя объяснить тяготами войны: здесь действовали какие-то другие соображения.

Таковы основные (хотя далеко не все) события из области религии, имевшие место в Риме в годы Второй Пунической войны. Проведённый анализ позволяет утверждать, что эта война, обрёкшая Рим на тяжелейшие испытания, показала высокую степень устойчивости и эффективности республиканской религиозно-политической организации. Несмотря на серьёзнейшие потрясения, римская религия справилась со своими главными задачами — дать народу надежду на лучшее и мобилизовать его на борьбу. Общественно признанная сакральная практика сумела оказать противодействие разброду и шатанию в умах сограждан, тем факторам, которые вели к расколу единого гражданского коллектива. Сплочение вокруг старинных ценностей шло рука об руку с введением необходимых новшеств под надзором общественных органов власти. При этом следует подчеркнуть, что в Риме отсутствовал какой-либо формальный механизм контроля за религиозными вопросами, который всегда начинал бы действовать при сходных обстоятельствах и приводил к немедленной реализации соответствующих решений. Вмешательство политической власти в сакральные дела определялось обычаем и ситуацией, подчиняясь общественным религиозным опасениям и страхам. Тем не менее при всей ненавязчивости неформализованного контроля за идеологическими процессами правящей верхушке удалось удержать их в рамках существующей системы, которая хотя и подверглась некоторым изменениям, но относительно небольшим, если принять во внимание масштабы разразившегося военно-политического кризиса⁴⁸. Умелое сочетание здравого консерватизма и необходимых новшеств, отличавшее политику римской элиты в эпоху расцвета Республики, в полной мере проявилось и в годы Второй Пунической войны, явившись одним из важных факторов в деле достижения победы.

Литература

Кораблёв И. Ш. Ганнибал. М., 1976.

Сморчков А. М. Взаимодействие общественных и частных празднеств в римской религии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1991. № 5. С. 49–58.

⁴⁸ Иное мнение высказал Г. Виссова, считавший Вторую Пуническую войну (и особенно 217 г. до н. э.) началом нового этапа в развитии римской религии, содержанием которого является эллинизация римского культа: Wissowa 1912, 60–64. Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, укажем на более осторожную оценку ситуации: Müller-Seidel 1953, 271.

- Сморчков А. М. Сакральные основы раннеримской диктатуры // ВДИ. 2009. № 1. С. 54–74.
- Сморчков А. М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012.
- Aberson M. Temples votifs et butin de guerre dans la Rome republicaine. Genève, 1994.
- Beard M., North J., Price S. Religions of Rome. Vol. I. Cambridge, 1997.
- Boyce A. A. The Expiatory Rites of 207 BC // TAPhA. Vol. 68. 1937. P. 157–171.
- Cohee P. *Instauratio sacrorum* // Hermes. 1994. Bd. 122. Ht. 4. P. 451–468.
- Develin R. The Political Position of C. Flaminius // RhM. 1979. Bd. 122. Ht. 3–4. P. 268–277.
- Eisenhut W. Ver sacrum // RE. 1955. Reihe 2. Hbd. 15. Sp. 911–923.
- Gusso M. Appunti sulla notazione dei Fasti Capitolini *interregni caus(sa)* per la (pro)dittatura di Q. Fabio Massimo nel 217 a. C. // Historia. 1990. Bd. 39. Ht. 3. P. 291–333.
- Klotz A. Über die Stellung des Cassius Dio unter den Quellen zur Geschichte des zweiten Punischen Krieges // RhM. 1936. Bd. 85. S. 68–116.
- Koch C. Venus // RE. 1955. R. 2. Hbd. 15. Sp. 828–887.
- Köves Th. Zum Empfang der Magna Mater in Rom // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 3. S. 321–347.
- Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960.
- Levene D. S. Religion in Livy. Leiden; New York; Köln, 1993.
- Linderski J. The Augural Law // ANRW. Tl. II. 1986. Bd. 16. 3. P. 2146–2312.
- Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Leipzig, 1878. Bd. 3.
- Müller-Seidel I. Q. Fabius Maximus Cunctator und die Consulwahlen der Jahre 215 und 214 v. Chr. // RhM. 1953. Bd. 96. S. 241–281.
- Münzer F. Fabius (116) // RE. 1909a. Bd. 6. Sp. 1814–1830.
- Münzer F. Flaminius (2) // RE. 1909b. Bd. 6. Sp. 2496–2502.
- Münzer F. Marcius (2) // RE. 1930. Hbd. 28. Sp. 1538; 1541.
- Orlin E. M. Temples, Religion and Politics in the Roman Republic. Leiden; New York; Köln, 1997.
- Rohde G. Die Bedeutung der Tempelgründungen im Staatsleben der Römer. Marburg, 1932.
- Rosenstein N. *Imperatores victi*. Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1990.
- Rüpke J. *Domi militiae*. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990.
- Szemer G. J. The Priests of the Roman Republic. Bruxelles, 1972.
- Twyman B. L. The Consular Elections for 216 BC and the *Lex Maenia de Patrum Auctoritate* // CPh. Vol. 79. 1984. No 4. P. 285–294.
- Wardman A. Religion and Statecraft among the Romans. L., 1982.
- Watson A. The State, Law and Religion. Pagan Rome. Athens; L., 1992.
- Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. Aufl. 2. München, 1912.
- Wissowa G. Supplicationes // RE. 1931. 2. R. Hbd. 7. Sp. 942–951.

Andrey M. Smorchkov

ROMAN RELIGION IN THE SECOND PUNIC WAR

The article highlights the role of the Roman religion during the war with Hannibal. Public prayers and vows, ancient ceremonies and new rites all this and many other things returned the faith in victory, overcome difficulties and joined the civil community in the face of the formidable foe. Religious acts were psychologically significant, inflated hope for the help of gods. Immediate execution of acts that promised salvation, the publicity and emotionality of such acts as well really encouraged. Due to the above mentioned upon the most overwhelming defeats of the roman troops (at the Trasimene lake and at Cannes) the reasons of defeats were transmitted to the religious sphere of life from the civil one, that is analyzed in detail in the present article.

In the roman politic doctrine the special emphasis put on the sacral powers of the high magistrates, because only such authorities, but not the priests bore the main responsibility for the *pax deorum*. Vesting the religious powers on the magistrates, first of all the right of auspices, took place during the magistrates elections. In the time of the Second Punic War during the high magistrates elections religious and political problems happened numerous times especially in the beginning of war. The analysis showed that religious but not political reasons and factors prevailed in the events of 217–215 B.C.

In such situations religious events followed political ones. However the vice versa took place as well. Expiatory rites held by magistrates in respect of numerous *prodigia* were significant for infusion of faith in the help of gods and final success at war. Traditional means for setting of *pax deorum* prevailed, however *prodigia* provided an opportunity to innovate the religious system of the Roman republic. Anyhow such innovates one way or another related to the roman cult and roman legendary history. During the war with Hannibal some symptoms of ideological crisis took place, notwithstanding the interference of the authorities needed just once (in 213 B.C.). The measures taken that time appeared to be efficient so there was no the problem arisen in future. Including but not limited bans the authorities used the other measures to resist the need for new means of contact with the gods *i.e.* partial satisfaction of the need. Thus the ruling class succeeded to hold the different religious innovations within the existing structure, the structure which was amended relatively little taking the scope of the military and political crisis into consideration. Notwithstanding the most serious shocks, the roman religion reached the main goals *i.e.* it gave the hope for a better to the people and mobilized the people for struggle.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Аркадий Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, arc79@yandex.ru.

Алексинский Дмитрий Павлович, научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, alexinsky@xlegio.ru.

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета, gabelko@mail.ru.

Гончаров Владимир Александрович, кандидат исторических наук, преподаватель Воронежского колледжа «Номос», 01011978@mail.ru.

Горьков Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва, cardinal5577@mail.ru.

Зелинский Андрей Леонидович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Лондон, z-al@ukr.net.

Квашнин Владимир Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры конституционного, международного права и политологии юридического факультета Вологодского государственного университета, kvashnin195@mail.ru.

Козак Андрей Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Черновицкого факультета Национального технического университета «Харьковский Политехнический институт», carthaginian@ya.ru.

Колоколова Наталия Сергеевна, аспирантка кафедры истории Древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, 12.natalia@mail.ru.

Коптев Александр Викторович, доктор исторических наук, доцент римской истории Университета Тампере, a_koptev@mail.ru.

Короленков Антон Викторович, кандидат исторических наук, сотрудник Академиздатцентра «Наука», sallust@list.ru.

Лапырёнок Роман Викторович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Иркутск, nervousbreakdown@yandex.ru.

Леус Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии, vladimir.leus@mail.ru.

Махлаюк Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, makhl@imomi.unn.ru.

Мосолкин Алексей Владиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, mosolkin@mail.ru.

Нефёдкин Александр Константинович, доктор исторических наук, главный редактор военно-исторического журнала “Parabellum novum”, Санкт-Петербург, nefiodkin@mail.ru.

Никишин Владимир Олегович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, cicero74@mail.ru.

Никольский Андрей Борисович, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Астраханского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, anikolskyant@mail.ru.

Сивкина Наталья Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, natalia-sivkina@yandex.ru.

Сморчков Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета, smorchkovtuber@yandex.ru.

Смыков Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, smukov61@list.ru.

Стейнби Криста, доктор филологии, приглашенный исследователь в SAXO-Institute, Университет Копенгагена, christa.steinby@gmail.com.

Тейтельбаум Евгений Григорьевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Казань, teghist@yandex.ru.

Хофман Вильгельм (1909–1969), профессор Гамбургского, Гисенского и Тюбингенского университетов.

Циркин Юлий Беркович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербург, yuly.tsirkin@novsu.ru.